

Г. С. Померанц

ПОРЫВЫ МЫШКИНА, ВПИСАННЫЕ В ШКОЛУ РУБЛЕВА*

Томас Мертон писал, что научить созерцанию так же невозможно, как научить человека быть ангелом. По-видимому, созерцанием он называл нераздельность человеческого сердца с сердцем бытия, с Богом. Для этого, действительно, очень многое нужно. Но видеть дерево и быть счастливым сравнительно просто. Упадет луч солнца даже не на дерево, а на тюремные нары, — и вдруг сердце откликнется. Или глаза, в которых раскрылось сердце, встретились с такими же полными сердцем глазами, живыми или нарисованными на доске, как в рублевском Спасе. Сперва смотришь — икона. Люди смотрят и проходят. А ты сидишь и вдруг чувствуешь в глазах Спаса огонь, с которым Рублев писал икону, и длишь эту переключку полчаса, час, а сердце все раскрывается, раскрывается, и огонь сливается с огнем. Так можно вглядываться и в икону, созданную не человеческой рукой, в иконную красоту трех бухт — Коктебельской, Мертвой и Тихой, — сидя на волошинской скамье. Или просто глядя на высокие деревья, о которых писал Тагор: «Тише, сердце! Эти большие деревья — молитвы».

Созерцать может и слепой; об этом писал Жак Лиссеран, ослепший в детстве, и находил в созерцании внутреннего света силу, покорявшую зрячих. В оккупированной Франции он создал тайную организацию, и когда ее раскрыли, гестаповцам не пришло в голову, что руководитель — слепой; били других, они выдержали. Вместе со всеми Лиссеран попал в лагерь, и там его часто приглашали в соседние бараки для психологической помощи зрячим, пришедшим в отчаянье.

В небольших группах людей, захваченных разговором, иногда один или двое созерцают дух диалога, парящий над отдельными репликами. Чаще всего это бывает, если есть ведущий, тамада, который не боится первым раскрыться духу целого, и если двое-трое подхватывают, то раскрываются и другие, которые сами бы не разгорелись, как каменный уголь без растопки. И когда такой разговор длится час-полтора, вы прикасаетесь к глубине, полной тишины и покоя.

Созерцать — значит не просто глядеть на дерево, на икону, на мужчину, женщину или ребенка. Это значит одновременно вглядываться внутрь и наружу. Одно из Евангелий сохранило слова: царство Божие внутри нас и вне нас.¹ Князь Мышкин созерцает действительность сквозь

* Тезисы доклада, включенного в программу XXX Международных чтений «Достоевский и мировая культура», проходивших в петербургском Музее Достоевского в ноябре 2005 г. Из-за болезни автора доклад не был прочитан.

¹ Ср.: «...не придет Царствие Божие приметным образом <...> Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17: 20–21). Это место толкуется и переводится двояко: либо «внутри вас» — то есть в человеческой душе, либо «среди вас», «между вами» — Ред.

царство Божие внутри своего сердца и видит царство Божие в дереве, в Настатье Филипповне, в Аглае. Только дерево его не подводит, не дает волю демоническим страстям, а собеседницы поворачиваются к нему то ангельским, то демоническим ликом и сводят его с ума. «...Дьявол с Богом сражается, и поле битвы — человеческое сердце», — писал Достоевский², и в другом месте, устами Мити Карамазова: «...Широк, слишком широк человек; я бы сузил»³. Вступая на поле битвы, созерцатель, открытый тишине, открытый голосу тишины и не защищенный от криков, не притупивший слух в грохоте, кажется болезненно раненным и действительно очень раним. Он истощает свои силы и может совсем погибнуть, если порою не уходит в отрешенность, в тишину, из которой чужие страсти его вырывают.

Этот круговорот истощения и восполнения нарисован в Троице Рублева. Ангел, сидящий одесную отрешенного света (для зрителя левый), готов броситься к людям, одержимым бесами страстей, изгонять бесов и исцелять одержимых. Истощение его остается вне поля иконы, но правый ангел (правый для нас) уже истощен, уже почти умерщвлен и принимает к среднему, оставшемуся в отрешенном покое, чтобы набраться сил. Можно видеть в этом три состояния одного человека (все три ангела похожи друг на друга чертами ликов и различаются только состояниями, в которых находятся, и окраской одежд: слева от зрителя — в теплых тонах, справа — в холодных).

Троица Рублева — не только символ триединства Бога, но и образ круговорота состояний, из которых складывается жизнь созерцателя. Этот круговорот не зависит от подробностей догматики, и скульптура Трикайи из древней японской столицы (VIII в.) поразительно напомнила мне Троицу Рублева. В психологическом плане они близки. Недаром Томас Мертон, после бесед с Дайзэцу Судзуки, писал о своеобразной близости католического монаха и дзэнского старца «в противоположность нашим соотечественникам, ведущим агрессивно несозерцательный образ жизни» (в предисловии к книге «Mystics and Zen masters»).

Наша цивилизация так закружилась в вихре научных открытий, соблазнов и взрывов, что центробежные силы грозят разорвать ее на части. Только пауза созерцания позволяет сознавать опасность и удерживать в вертикальном состоянии ось волчка, которая все больше и больше скашивается к плоскости. Наступило время учить первым шагам созерцания, первым тактам ритма в чередовании творчества с созерцанием, учить начиная со школы, постепенно создавая навыки восстановления контакта с собственной глубиной — вплоть до того уровня, где сердце человека сливается с сердцем вселенной и любовь стирает следы столкновений и ссор.

² «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (14; 100). — *Ред.*

³ «...Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» (Там же). — *Ред.*